

Пан Тыква пишет... книгу

«Дедушка уральского рока» Александр Пантыкин убежден: и рок, и классика – всё диктуется свыше

Ирина КЛЕПИКОВА

...В 1980-е, когда команда «Урфина Джюса» приезжала в Казань или Куйбышев, милиция оцепляла гостиницу, чтобы истеричные, рыдающие фанаты не проникли в номера. В новейшей России А.Пантыкин написал гимн для одного из банков, и каждое утро, когда звучит гимн, все клерки, отбросив в сторону доллары и рубли, встают и слушают «Сашину музыку». Стоя. А однажды Клуб банкиров пригласил его на приём, куда все должны прийти во фраках и вечерних платьях. Когда мажордом объявил «Александр Пантыкин, композитор» – вошёл Сан Саныч: в шортах, кепке и длинной майке...

Но для меня Пантыкин – прежде всего Школа искусств им. А.Пантыкина в Верхней Туре. В книжной серии «История в лицах городов» я писала об этом городе и этой школе.

–О, а у меня этой книги нет. Спасибо. Почитаю...

–А с вас – рассказ об «Урфине Джюсе». Однажды в театре по тихому обожанию, с каким мой сын смотрел на сцену, а в затылок, на косячку «дедушки уральского рока», я поняла: рок, «Урфина Джюса», Пантыкин для кого-то почти религия.

–Годом рождения «Урфина Джюса» считается 1981-й: первый альбом, первое выступление... Стало быть, нынче – 30 лет. Никак мы это не отметили, кроме того, что в июле в рамках фестиваля «Старый новый рок» выступили золотым составом – Владимир Назимов на барабанах, Егор Белкин на гитаре и я с бас-гитарой. Вторём.

«Урфин Джюс» прожил недолго, но очень яркую жизнь. Отдельные выступления и до сих пор продолжаются. Десять лет назад съездили в Америку с гастролем. Недавно выступили в Питере... То есть официальных заявлений о распаде «Урфина Джюса» не было. И вряд ли будет! Распад произойдёт, наверное, когда кто-нибудь из нас умрёт.

–Тыфу-тыфу!

–Тыфу-тыфу! Есть даже идеи сделать что-то новое. В частности, ближайшие планы – выход DVD с концертом, посвящённым 25-летию «Урфина Джюса». Но активная роковая деятельность завершилась, что для меня абсолютно радостно...

–Ничего себе!

...потому что это – не моё. Петь на концертах один и те же песни... Во-первых, у меня быстро исчезает голос. Через два три концерта его просто нет. Да и вообще, рок-музыка для меня узковата, тесновата как жанр. Хотя знать её изнутри даже очень полезно. Любому композитору! Потому что рок привнёс и в серьёзную, классическую музыку много нового, обогатил современную музыкальную палитру.

–По слухам, «Фишка» «Урфина Джюса» была в том, что рок-группа играла с симфоническим оркестром?

–Было. Хотя «оркестр» – это громко сказано. Мы играли с небольшими ансамблями, они участвовали в записях. Любимой коллектив, рождаюсь, думает, чем ему выделиться на общем фоне. Мы уже играли с камерным оркестром, а рок-музыку-то запрещали. Такое было время. «Технически» это решалось так: мы сидели в городе Верхняя Пышма, поскольку Назимов и Белкин – родом оттуда. Я жил в Свердловске, на Веере. Мне до центра было ехать 30 минут, а до Верхней Пышмы – 20. Ближе было туда. Я работал в клубе производственного объединения «Радуга». Более того, мне как руководителю положили две ставки – я получал 120 рублей в месяц. Это была очень серьёзная зарплата. Почти инженерская. И вот мы сидели в Верхней Пышме как в засаде. Официальные органы в Свердловске, которые занимались уничтожением рока, не могли нас найти.

–Велика даль – Верхняя Пышма. Если хотели выследить...

–Так и выследили! И разогнали. Я лишился работы и 120 рублей (*улыбается*). Белкина, тогда студента философского факультета, чуть не выгнали из университета, объявили строгий выговор...

–А претензии-то какие?

–Антисоветская деятельность. Мы были запрещённой группой, в «чёрных списках», как и другие рок-группы. Считалось, что наши тексты «вредят социалистическому строю». Смешно даже: нас гнобили за то, что мы «антисоветчики», а мы вообще не занимались социальными вопросами, никого не критиковали. Мы даже про любовь не писали. Нас интересовали философские темы, связанные с развитием человека, его духовной жизнью. Вот, послушайте. Из «Шумящего мира» – «Этот шумящий мир безмолвен и пуст. // Как выдохший куст. // Куст в урожай принесёт один только плод. // Плод моих чувств». Почти французская поэзия. Я, кстати, очень её люблю. Из «Пожирателя» – «Робок ангел твой хранитель – и боится, и дрожит. // Если чёрная ворона путь ему перелетит. // Символизм! Ну и программная вещь – «Жизнь в стиле «Heavy metal»: «...Но свет всё мерцал. // Голос странный звучал. // И звал меня к цели». Брюсов чистый, кстати. Ну какая тут антисоветчина?

–«Враждебно» оттого, должно быть, что непонятно. Не все же знали про символизм, экзистенциализм, Брессова. Ещё меньше могли знать, что «дедушка уральского рока» в прошлом, в свои 12 лет, был победителем конкурса пианистов. Кстати, а «дедушка уральского рока» – откуда и почему?

–Ну, это не более чем рекламный трюк, придуманный мною же. Сегодня мне в теме «дедушки» другое интересно. Я начал писать книгу, которая называется «Девушка, это я – девушка». Меня долго просили написать книгу о деятельности рок-рольных групп. Но я не хочу про это. Мне интересно про то, что одна из главных задач любого человека – распознать в себе те таланты, что даны свыше. Распознаешь, угадаешь свою миссию на Земле, и если она совпадает с запрограммированностью душевной – тогда всё получается славно.

Про себя могу сказать: я средней руки музыкант...

–Да будет вам! Кокетничаете?

–Ничуть. Я выяснил это ещё в детстве. Слушал – себя, других – и с огорчением понимал, что никогда не буду таким пианистом, как Глен Гульд, Станислав Неигауз, которого очень любил, или – Рихтер. Композитором тоже не собирался быть. Считал: то, что пишу, – это так, музыка. Поэтому, когда принимал решение, чем заниматься – музыкой или физикой, решил: вряд ли моя музыкальная деятельность что-то будет представлять из себя.

Взвесив всё, пошёл на физтех. Учился и закончил. А параллельно, присматриваясь к окружающему музыкальному ужасу, разглядел, что на этом-то фоне мои опису – ничего, выглядят вполне прилично. Подумал: может, это моя миссия? А дальше начал серьёзный путь профессионализации. В отличие от многих рок-музыкантов, которые так и остались на уровне самодеятельности или музыкальной школы, пошёл в музыкальное училище, потом закончил консерваторию.

При этом много писал, работал. Грубо говоря, «железной задницей брал высоту». Формула Чайковского «пять процентов таланта и 95 – труд» – она тут и работала. Ведь у русских композиторов проблема одна – лень! И только тот, кто «чуть-чуть» работает, – чего-то добивается в музыке.

–Сан Саныч, была потрясена, узнав, что «дедушка уральского рока» пошёл учиться... драматургии.

–Да, а студент. Учусь в магистратуре Санкт-Петербургской академии театрального искусства, на специализации «Театральная драматургия», у Натальи Скорород. Причём тут я впрямую связан со своим средним сыном – Серёжей.

Мы с Серёжей начали серьёзно заниматься сочинением пьес для музыкального театра. Естественно, стали много читать других и ужаснулись, какого низкого качества, как правило, эти либретто. Возникла абсолютно серьёзная задача – понять. Получить школу. У драматургии же – свои правила, свои законы. Причём сегодня она не та, что прежде. Есть голливуд-

Сан Саныч, как всегда, скромничает?

Кто знал тогда, что А.Пантыкин и его сын Сергей (слева) станут коллегами?

ская школа сочинения сценариев, есть русская школа драматургии, идущая из XIX века. Есть замечательные драматурги Шварц, Володин, Разумовская. Есть школы отдельных драматургов – той же Скорород, Коляды. Этому есть смысл учиться. Вот мы и учимся.

–А правда, что вы разрешили сыну не ходить в школу?

–Я говорил так: «В простую школу можешь не ходить, а в музыкальную – обязан». Закон нашей семьи. В древнем мире было три главных предмета, которыми учили человека: музыка, арифметика, танцы. Остальное имело никакого значения. Так было устроено в античности.

–Но мы-то не в античности...

–Да мы сейчас в худшем положении! В России очень серьёзные проблемы с образованием. Никогда не считал школу гарантом знаний. Самое главное образование – то, которое человек получает сам. Самообразование. Это – основа основ. Ни в школе за десять, ни в институте за пять лет невозможно научить человека вещам, которые значительно важнее конкретной информации. Я, например, на физтехе проходил такие предметы, которые сейчас даже не помню, как называются. И что? А на это были положены годы. Зачёты, экзамены, лабораторная работа. То же самое и в средней школе. Существуют некие методики, по которым одни учат, другие – как бы учатся.

–Но аттестат-то, диплом получить надо?

–Диплом – формальность, которой требует социальтура. Его сегодня можно купить. А знания – настоящие! – появляются только тогда, когда человек сам начинает чем-то углублённо заниматься. Мы вот с Серёжей углублённо занимаемся театром.

–У вас четверо детей уже

взрослых. И младший, Арсений, ещё в школе учится. А вы помимо композиторской деятельности, агента «Тутти», многочисленных общественных обязательств по профессии берёте ещё под своё кровное tutelажное покровительство?

–Таня Дерябина (директор школы искусств – И.К.) училась в консерватории вместе с моей супругой, Марианной. Однажды, в гостях у нас, поделилась своей горечью: ей предложили стать директором, а школа – в жутком состоянии: средств нет, педагогов – на одном энтузиазме, никто на школу не обращает внимания. Думали-обсуждали – возникла идея: а если назвать школу именем известного человека? Есть же школа Гнесиных, лицей Дягилева. Традиция! Которая даже начинает помогать в какой-то момент.

Перебрали много имён. И как-то незаметно задумались: а что если школе дать моё имя? В Свердловской области оно достаточно известно, может, это чем-то поможет?

И произошло удивительное: вещь – на школу действительно обратили внимание: министерство образования, мэра. Даже – мои друзья. Для нас, живущих в миллионном городе, те же компьютеры – не проблема, а там – Интернет только-только появился...

У многих изменилось отношение. Я учредил премию: для учеников – годовое бесплатное обучение в школе (для Верхней Туры это очень серьёзно), а для учителей – просто деньги... Не хочу сказать, что я являюсь меценатом и школа живёт на моё финансирование. Боже упаси! Но оказалось, что даже эта минимальная помощь, которая нам ничего особенного не стоит, даёт возможность этой школе ощущать себя по отношению к другим чуть лучше. А ведь в

чём, по большому счёту, состоит задача – делать нашу жизнь чуть лучше. Тут чуть лучше, там чуть лучше – вот жизнь в целом и улучшается. Принцип-то простой. А имя работает. Когда на каком-нибудь конкурсе, условно говоря, объявляют: «Выступает Тania Иванова, Верхняя Тура, школа Пантыкина» – даже жюри начинает по-другому слушать и смотреть (*смеётся*). И – на здоровье!

–Меценат – не меценат, но в Верхней Туре с восторгом рассказывают, что, подарив школе имя, вы продолжаете ездить туда, помогать.

–Да, каждый год. Ансамбль ложечников из этой школы, когда они приезжали выступать, помогал в Москве. Ребята из Верхней Туры приезжают и в Екатеринбург: договариваются со Свердловской музкомедией они посмотрели и «Храни меня, любимая», и «Мёртвые души».

–Спектакли с нашей музыкой! Со Свердловской музкомедией у вас сегодня вообще особые отношения: вы их автор, это – ВАШ театр. Вас зрители на спектаклях узнают, подходят. Авторство же в киномузыке не столь публично. «Мусульманин», «Патриотическая комедия», «Всё будет хорошо»... Актёров, режиссёров знают. Композитора – далеко не всегда. Не обидно?

–Нисколько. Долгое время в Союзе композиторов СССР считалось позорным писать музыку к кинофильмам. Даже когда я учился в консерватории – мне запрещали писать музыку к кинофильмам и театральным постановкам. Это, мол, музыка третьего сорта. Приложение к чему-то. Рюшечки к произведению искусства. Отношение было заложено самой системой. Поэтому многие выдающиеся композиторы – Шедрин, Денисов, Александр Чайковский, Губайдулина, Шнитке – даже если и писали музыку к фильмам, то к каким-то монументальным и серьёзным... К обычным – ни-ни.

–А как вы увлеклись этим?

–Денгами (*смеётся*). В тот момент я заканчивал консерваторию и помимо тех фильмов, что вы назвали (и за которые не стыдно), я писал музыку к огромному количеству «середнячков». Не секрет: в кинематографе (российском, французском, американском) на 100 фильмов – два-три хороших. В общем потоке – несколько удач. Но общий фон должен быть! И я писал за деньги музыку для этой массы...

–Не жалко было времени, усилий?

–Абсолютно. Потому что, помимо денег, меня интересовал вопрос технологический. Важно было овладеть технологией работы композитора в кино. Один из первых в Екатеринбург я начал работать с компьютерами, мидийной техникой.

И третье – меня интересовала степень моей профессиональной готовности к решению разных задач. Одному режиссёру надо было написать к фильму рок-песенку, другому – песню в стиле средних веков, третьему – вокальный номер. И я занимался тогда освоением огромного количества музыки. Учился «на кино» тому, чему меня не могли научить в училище, в консерватории. Это и есть самообразование. Но оно было предметным. Режиссёр ставил задачу – я начинал погружаться в тему. Читал. Слушал. Смотрел партитуры. Изучал, как это делалось другими композиторами.

–При этом умудрились создать свой стиль – так называемое голливудское звучание оркестра.

–Это специфика создания партитуры. Обычно партитуру пишут так, что каждая группа инструментов оркестра выписывается один раз. Я ту же струнную группу, например, записываю несколько раз. Записали оркестр – 40 струнных. Ещё раз – ещё 40 струнных. А если четыре раза? Звучит уже 160 струнных. В Голливуде сразу 160 посадят, потому что у них есть такие деньги. Вот и всё. Русский метод экономии денег (*смеётся*). Но если серьёзно, дело – не только и не столько в экономии, а в окончательном звучании. Благодаря такому наложению оно богаче.

Даже в сравнении с тем, если бы все 160 струнников играли вместе! В Голливуде записывают оркестровую пьесу от начала до конца, а потом супервайзеры делают нарезку из лучших дублей.

У нас – иначе. Сначала записывается первый план – 40 человек тянут только длинные красивые аккорды. Второй план – те же струнные, допустим, играют сверху тему. В третьем – они добирают контрапункт со специфическими штрихами... И каждый раз исполнение на что-то направлено. В результате качественнее получается каждый отдельный элемент. А когда элементы сводятся, накладываются друг на друга – фактура обогащается...

–Принцип понятен. А как это выглядит со стороны: Пантыкин пишет музыку? По слухам, вы оттягиваете момент творчества до последнего. Та же Наталья Степановна Скорород, ваш учитель, – в книге «Разговоры»: «...на всякую деятельность уходит 90 или даже 95 процентов его времени. В оставшиеся 5 процентов, рано утром, когда уже нужно принести фонограмму, он творит».

–Так это как раз предмет моей книги. Все талантливые люди получают космическую информацию свыше. Всё диктуется. Музыка – мне. Вам – тексты. Задача человека – создать условия, чтобы настроить этот поток. Когда творец «отключается», ходит-мучается – он и настраивает этот поток, этот луч. И в определённый момент канал открывается, и информация потока.

Что такое гений? Почему один пишет как Моцарт, а другой – как Сальери? Физиологически-то мы все одинаковы. Но кто лучше «настроил канал» – у того гениальнее и получше...

–Но сейчас – глобализация, Интернет, мы все владеем одной информацией. Все усреднено, унифицировано. Вот вы проводили эксперименты: задавали вопросы композитору – и Интернет на ВСЕ вопросы дал ответ.

–Но в творчестве человек всегда одинок. Тут нет ответов. Всё равно наступает момент, когда человек садится дома, берёт гитару – и... «настраивает канал». Кто-то закрывается в ванной. Мне, например, когда я начинал сочинять музыку, важно было выключить свет. Хотя бы на пять минут. Бред силовой кобылы, конечно. Но мне казалось – помогай. Чего-то бренькал. И из этого потока оставалось две-три темы...

Почему некоторые люди с определённого времени перестают творить? Говорят: исплисался. Но дело в том, что человек потерял эту связь, канал закрыт. Никто не диктует. Некоторые даже, что называется, «на пердучке папу», на ремесле, на заработках ещё чего-то создают, но это уже не талантливо. Там нет божественного пророчества. А оно должно быть!

ДОСЬЕ «ОГ»

Александр Александрович ПАНТЫКИН
Родился 12 января 1958 г. в Свердловске.
Образование: Уральский политехнический институт (физтех); музыкальное училище (эстрадное отделение, джазовое фортепиано, пианист); Уральская консерватория (отделение композиции).
Опыт трудовой деятельности: руководитель музыкальной студии «Сонанс» (1976–80 гг.); группа «Урфин Джюс» (1981–84 гг.); директор студии Союза кинематографистов, Екатеринбург (1994–95 гг.); в настоящий момент — директор музыкально-информационного агентства «Тутти» (с 1995 г.); директор выпускающей фирмы «ETRecords» (с 1997 г.); президент НП «Студия Пантыкина» (с 2007 г.).
Заслуженный деятель искусств России. Лауреат Национальной премии «Золотая маска». Член Союза композиторов России, Союза кинематографистов, Союза театральных деятелей. Академик Академии кинематографических искусств «НИКА». Лауреат премии губернатора Свердловской области. Лауреат международного конкурса композиторов.

«Дальнобойщик» Сашенька (а в 2002-м музыка А.Пантыкина к сериалу «Дальнобойщики» получила кинопремию «Золотой Орёл»)

БЛИЦ-ОПРОС

–Конкурс Чайковского вам ещё интересен? Или это уже «чужая музыка»?

–И конкурс Чайковского, и концерт Стинга. Я вообще стараюсь всё смотреть. У меня всё время включена программа «Мелодия», которая транслирует очень много современной музыки. Разной!

–Что помогает, выручает в тупиковых ситуациях?

–(После долгой паузы). Дневник, который с 1983 года я веду каждый день. Начинаю перечитывать, и сам над собой иногда смеюсь: ну, ёлки-палки, нашёл из-за чего расстраиваться...

–Представьте: у вас полдня свободного времени. Чем займётесь?

–Да у меня всегда вагон (всё записано!) непрослушанной музыки, непросмотренных фильмов, непрочитанных книг. Я сразу бы начал «латать дыры». Дурраком-то быть не хочется.

–Чего никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволили бы себе?

–Пожертвовать человеком ради какой-то (любимой) цели в искусстве.

–Снятся ли цветные сны?

–И цветные, и чёрно-белые, но – очень редко. И какие-то бесполовые. Единственный внятный сон – в 12-13 лет мне приснился Иерусалим, в котором я никогда не был. Приснился великий город, с белыми крышами. А потом я увидел его на фотографии, и сразу узнал.

–Вы человек влюбчивый или однолюб?

–Переспать – не проблема, но... Жизнь сегодня настолько интересна, многолика, разнообразна, что эта часть – любовь, секс – в моей личной жизни занимает скромную позицию. Хотя какому-то занимает. В отношениях с женщинами мне интереснее духовно-душевная сторона. Постель – это пять минут, а остальные 23 часа 55 минут? (*смеётся*).

–Если бы можно было выбрать время и страну проживания...

–Да у меня и от России нет плохих ощущений. То, что у меня нет денег, – так это я сам виноват, бесполовый такой.

–Были в нескольких странах. Вот в Англии у меня ёкнуло сердце, я бы там пожил. И – Чехия. А время вообще не имеет никакого значения.

–Свои записи, например – времени «Урфина Джюса», переслушиваете? Не возникает зависти к себе молодому?

–Не возникает. Более того – все записи хочется переделать, переписать. Мне вообще больше нравится не результат, а процесс. В это время столько переоплачиваешь: читаешь, смотришь, узнаешь.

–Любимый уголок в Екатеринбурге?

–Парк пионеров.

–Вы суверенный человек? Если – да, каким приметам верите?

–Нельзя пытаться обмануть людей, которые вокруг тебя. Обратило внимание бумерангом. Чем больше обман – тем неприятнее «плюшка».

–Урфин Джюс. Великий и ужасный...

«Урфин Джюс». Великий и ужасный...